

повесть

Сергей Челяев

КОГТИ ЛЮБВИ

Письмо не предвещало ничего хорошего.

Добрую весть не пришлют с голубем. Хорошее всегда подождёт.

И только плохое не терпит отлагательств.

«Волк задрал Божьих агнцев в лесах Варкалишкой».

– Пан Секунда... – замялся стражник с заиндевелыми усами, что догнал их на полпути с голубиной почтой.

– Мы заглянем в Смуляны к Юшке. Кланяйся пану полковнику.

Когда гонец скрылся в лесу, Арунас поморщился:

– Чего мы забыли у этого скупердяя? Туда волк не сунется – нечем пожить-ся. Юшка крестьян обирает как липку, оборотню не надрать с них и фунта сала, – презрительно хохотнул он.

– В Варкалишкой тоже так думали. Теперь колотят гробы, – ответил Анджей. – Но в Смуляны мы не пойдём.

– Куда ж теперь, ваша милость?

– В Браницы. Но о том пану полковнику пока знать не обязательно.

– Браницкий – кум полковника. У него и харч щедрый, и девки весёлые, – обрадовался Арунас.

– О девках забудь, – велел Анджей. – Слышал, что сказал хорунжий из лесной стражи? Будто бы не волк это – волчица. И оборотень может оказаться женского полу.

– Не удивлюсь, – фыркнул Арунас. – Женский род оборотливый, никогда не знаешь, чего от него ждать.

– И меньше болтай, – посоветовал Анджей. – Может, она сейчас за кустами тaitся? И ждёт болтуна.

В тот же миг один куст покачнулся. Арунас нахмурился и положил руку на самострел. Пятрас же глянул на серое небо.

– Смеркается...

– И мороз крепнет, – кивнул Анджей. – Вперёд!

Прежде здесь была наезженная дорога. Теперь лишь две пугливые колеи от полозьев вели к тракту. Кому охота бродить по лесам в такие дни?

К вечеру добрались до деревни. Пан Митяй, краснорожий бородач в необъятном сюртуке и медвежьим душегрее, удивился дознавателям из столицы.

– В угожьях Варкалишкой убиты трое, – сухо пояснил Анджей. – Все из Святого ордена.

– Божьи агнцы? – недоверчиво пробасил Браницкий. – Я видал раз, как один брат проучил озорников на ярмарке. Неужто зверь справился и с такими?

– Из засады мог. Уж больно у него когти длинные, говорят.

– Болтают... – пожал плечами помещик.

– Есть свидетель, – кивнул дознаватель. – Чудом спасся.

– Кто ж этот счастливец-то? – осведомился пан, вновь наполняя кружки. Свинина с аппетитными розовыми прожилками, гусь, копчёная рыба, холодец и даже лимоны – чего только не было на хлебосольном столе.

– Сохраняется в тайне, – пояснил Анджей. – А откуда лимоны? Неужто из Померании?

– Нет, – ответил Митяй. – Тамошние померанцы – суть китайские мандарины, только с горечью особой.

– Загнул малость, ясновельможный пан, – засмеялся Арунас. – Мандарины в Китае – вовсе не плоды. Так у них чиновников кличут.

– Ну, от чиновников всегда во рту горчит и в заднице пучит! – захохотал Браницкий, но тут же прикусил язык, вспомнив, что и его гости состоят на службе. Но те промолчали.

– К чему ж тайна? – вернулся помещик к прежней теме. – Ежели бы рассказал этот господин, как спастись от треклятого...

– А почему пан думает, что это – непременно мужчина? Имя и личность счастливо спасшегося тщательно скрывается властями, – строго сказал Анджей.

– Да я что? – разом похолодел Браницкий. – Я ж без всякого умыслу. Мыслил, так сказать, без замыслу. Уж как промыслилось...

Вконец запутался и от души приложился к кружке.

– Человек этот запомнил вервольфа, – сказал Анджей. – Потому и велено взять его под неусыпную охрану, потому как может оборотня опознать.

Они вышли на подворье, и помещик предложил Анджею трубку.

– Нам курево ни к чему. У зверя нос чуткий.

– Не приведи Господь встретиться с вашим зверьём, пан Секунда, – сокрушённо пробормотал помещик.

– Верно, – согласился тот. – Но люди не менее занимательны. Особенно те, что закаляют дух и тело в страхе и хладе. И в отчаянии тёмном.

– Что... вы имеете в виду? – пролепетал Браницкий.

– Не знаешь, для чего приехали? – холодно ответил Анджей. – Я говорю о молодой особе, что сейчас прячется в часовне на краю деревни. Твоей деревни, пан!

Помещик побледнел, и трубка в его пальцах задымила понуро и обречённо.

– Зато знает он, – вздохнул дознаватель. – Тот, кто придёт за девицей под Новый год. Или, быть может – она?

– А вы полагаете, зло бывает мужского или женского полу? – прошептал пан Митяй.

– Восемь лет назад один пан обещал содрать с него шкуру аккурат под Рождество. Оборотень узнал, изодрал его в кровавые лохмотья и повесил тело на дверях часовни. И с тех пор всегда приходит на святки. Мстить, значит.

Анджей помолчал и, не поднимая глаз, спросил:

– Весточку в монастырь ты отправлял?

– Я?

– Зачем не послал за дознавателями? На монахов понадеялся?

Помещик кивнул.

– Кто она тебе? Родня? Любовница?

– Дальняя родственница, – с трудом выговорил Браницкий. – Всё равно Марысе конец... Её выбрал оборотень.

– Он что, сам ей сказал? – В пристальном взгляде дознавателя не было и тени иронии.

– Не сам. Об этом наша ведьма знает, Беата. Оборотень всегда приходит и говорит ведьме, кого задерёт на этот раз.

– Как же он это делает?

– Надо же, пан дознаватель! – невестело усмехнулся Митяй. – Вы даже не спросили, зачем он это делает...

– Кто прочтёт мысли сатаны? – пожал плечами Анджей. – Лишь от великой гордыни можно себе представить такое.

– Да, – вздохнул Браницкий. – Точно так, пан дознаватель. От великой гордыни.

В соседней комнате звякало и шелестело – это помощники разбирали дорожные мешки.

– Кто ещё в часовне? – спросил Анджей.

– Парень один.

– Жених, что ли?

– Да не... – неохотно откликнулся

помещик. – Один дурак местный. Марыся же личиком не очень вышла.

– Бывает, – согласился дознаватель.

– А те, кого оборотень выбирал, бежать пробовали?

– Пробовали, – почесал в затылке Браницкий. – Кого по дороге зверь загрыз, а кто с охраной, те – да, в город добирались. Но оборотень потом за каждого двоих загрызал. И, кроме того, вы Марысю не знаете. Она ведь немного того... не в себе.

– В каком смысле? – не понял Анджей.

– Болела в детстве головой сильно, и по той причине слегка умом тронулась. Живёт одна, на краю деревни. Да и парень с ней...

– Час от часу не легче, – пробормотал Анджей.

– И то правда. Одна надежда – на Бога, – вздохнул помещик.

– А насчёт срока не сомневайтесь. Зверь всегда в один день приходит. В тот, что обещал ведьме.

Браницкий накинуд полушубок, зябко повёл плечами. Обернулся, глянул дознавателю в глаза.

– Завтра это будет. После полуночи.

Перекрестившись, они зашагали под чёрным небом. Пан нёс фонарь на длинной палке, и его свет тревожно метался впереди.

Снег облепил избы и плетни, шапками лежал на крышах. Вокруг часовни торчали сплетённые ивняком кольца забора. Ещё один кол, конечно, осиновый, сжимал в руках тщедушный парень с наивными глазами и русыми космами. Завидев Браницкого, парень пропустил дознавателей в часовню, хотя и не снял шапки.

В комнатке с зарешёченным оконцем лежал продавленный тюфяк. На нём пугливо поджала ноги худенькая девушка. У неё были мышинные волосы, маленький нос, большой птичий рот и огромные глаза. Руки девушки были исцарапаны, точно она продиралась сквозь колючки. Анджей глазами указал Арунасу, и тот кивнул, мол, вижу. Пя-

трас тем временем обходил часовню, проверял окна.

Анджей присел подле девушки. Она пугливо глядела на него, как молодая оленуха на матёрого волка.

– Ясь со мной, – часто повторяла она, качая головой. – Он меня в обиду не даст.

Анджей раздражённо обернулся.

– Что у неё с зубами?

– А чего? – встревожился помещик и быстро подошёл.

– Велите ей открыть рот, – велел Анджей.

Браницкий кивнул и что-то прошептал девушке, но та замотала головой.

– Арунас, Пятрас! Разожмите ей зубы...

Арунас без церемоний ухватил девушку за нос, надавил сильными пальцами и потянул голову вверх. Глаза девушки чуть не выпрыгнули из орбит, она разинула рот. В тот же миг Пятрас сунул ей меж зубов невесть откуда взявшийся в его руке широкий нож с бархатистой рукояткой из ноги косули.

– Нож! – предупредил он Марысю. – Острое! Понятно?

Та в страхе кивнула.

– Если сомкнёшь губы, разрежешь себе рот. Потом всю жизнь широко улыбаться будешь! – прошептал Арунас, удерживая девушку за плечи.

Девушка зажмурилась и медленно раскрыла рот. Пятрас вынул нож и аккуратно вытер лезвие о штанину.

– Больше она рта не закроет без вашего приказа.

– Лишь бы говорила, – хмуро кивнул Анджей и двумя пальцами в перчатке слегка оттянул ей краешки губ.

– Кто же её так изуродовал? – дознаватель обернулся к помещику. Во рту девушки на месте боковых клыков зияли чёрные дыры. Пан Митяй опустил голову.

– Клин клином решили вышибить? – проворчал Арунас.

Помещик вздрогнул как ужаленный и уставился на младшего дознавателя.

– Вы... знаете?

– Между прочим, за колдовство по

головке не поглядят, – неодобрительно покачал тот головой.

– Это Беата придумала, – угрюмо сказал Браницкий. – Ты, пан Шмуц, правильно сказал, – кивнул он Арунасу. – Откуда только ведаешь, хотел бы я знать...

– В Силезии есть такой обычай, – отозвался Арунас. – Врачуй тем, от чего занемог. И с нечистой силой так же.

– Замыслила Беата заговор учинить на оборотня. Через Марысю с ней в разговор войти.

Анджей молчал, глядя на огонь в очаге. Ясь развёл целое хозяйство: кастрюля с кашей, поодаль обглоданные мослы. «Уж не этот ли – оборотень...» – мелькнула мысль, усталая и раздражённая.

– Интересно, – пробормотал он. – Говоришь, в разговор с ней войти? По моему, оборотень – женского полу?

Браницкий тут же подсел рядом.

– Думаю, так оно и есть, – начал он. – На Беату думаю. Хочет ведьма глаза отвести, вот и прикинулась добренькой. Не знаю, на что ей Марыськины зубы понадобились, но уж как-нибудь она их в дело пустит, помяните моё слово.

– Доказательства у тебя есть, пан Митяй? Ты видел, как она оборачивается? – спросил Анджей.

– Видеть не видел, а только кому и быть? – с жаром зашептал помещик. – Эта ведьма знается с дьяволом, отвела глаза и пану воеводе, и братьям из монастыря. И ведь как хитро умыслила!

– Как же?

– Жертву от себя не отпускает. – Глаза помещика сделались круглые. – Ведь многие, кого оборотень загрыз, прежде обращались к Беате. А она не помогла нечисть от деревни отвадить! Зато на нас, простых смертных, как на дураков смотрит. Ей, ведьме, нравится играть с нами, плести сатанинские сети.

«Эге, да тут обида, – смекнул Анджей. – Надо взглянуть на эту Беату. А ну как баба в теле, при всех женских статьях? Уж не запал ли на неё наш пан?»

– Чего же она хочет?

– Известно что – грызть, – прошептал помещик и посмотрел на дознавателей безумными глазами. – Но поначалу – вволю наиграться с нами. Так ей, видать, слаще.

Он резко опустил голову и замолчал. Зато заговорил Арунас.

– Выходит, придёт завтра твоя Беата? За девкой?

– Придёт всенепреренно. И никого в живых не оставит.

Браницкий тяжко вздохнул, покачал головой.

– Уезжать вам надо.

– То есть, как это – уезжать? – не понял Анджей.

– Просто, – ответил Браницкий. – Оборотень, он ведь как? Одного-двух загрызёт – и опять надолго в берлогу залезет. А уж коли взъярится, тогда будет большая кровь.

Все дальнейшие попытки дознавателей расспросить девушку ни к чему не привели. Точно ключик был в её душе, и едва речь заходила про оборотня – этот ключ закрывал невидимый замок, что установили в насмерть перепуганном девичьем сердце лютый страх и воспоминания о пережитом. И тогда Анджей решил остаться на ночлег в часовне.

Девушка не спала. После učinённого ей допроса она вздрагивала и порой принималась беззвучно плакать, втихомолку глотая слёзы. Скоро Анджею это надоело.

– Что, дева, не спится?

Робкое шмыганье было ему ответом.

– Давай поговорим. Хочешь?

– А о чём прикажете?

– Зачем ты здесь, Марыся? Что тебе наобещала Беата?

После этого надолго воцарилось молчание. Анджею даже показалось, что девица уснула. Но потом она заговорила – тихим, слезящимся шёпотом.

– Беата велела спрятаться тут и никуда не выходить. Она сама придёт и поможет.

– Как же она тебя спасать-то собирается? – вздохнул дознаватель. – В

деревне никто из дому не выйдет. Да и на Яся надежды мало.

– Беата мне о том же сказывала, – прошептала девушка и горестно всхлипнула. – Надобно мне указать на него, когда он в часовню явится. Коли оборотня открыть, у ведьмы против него оружие есть. Только прежде чем он оборотится – потом-то уж против него трудненько придётся.

– А ты его человеком видела?

– Не... Только когда он уже оборачиваться начал.

– Как же ты его узнаешь, коли он, к примеру, только наполовину человеком предстанет? – изумился Анджей.

– Беата обещала, что непременно узнаю, – ответила девица. – Кто оборотня раз открыл, никогда его не забудет. Хоть на четвертинку, хоть на осьмушку – всегда признает.

– Чепуха какая-то, – смешался Анджей. – И на кого же похож твой оборотень?

– На всех, – тихо, но уверенно проговорила девушка. – Я ж его не по лицу узнать должна. Лица его я как раз и не видала...

– Не по лицу? – удивился Анджей. – А как же?

– По глазам, – прошептала Марыся.

– Они на ваши похожи, пан старший начальник. Сердитые и холодные, как ледышки. Я-то про вас, конечно, не думаю. Вы мне наоборот очень даже нравитесь – такой смелый и благородный пан. И оборотня не забоялись, и мёрзнете тут почём зря ради бедной девушки.

Она помолчала, благо Анджей даже задохнулся от возмущения, а потом добавила:

– И у пана Митяя глаза такие же. Только я в толк не возьму: отчего он всё твердит, будто оборотень – баба?

Посланный наутро за старухой Арунас вернулся ни с чем. Старая ведьма ещё затемно ушла в лес и не возвращалась. И Анджею не покидало ощущение, что ведьма уже опережает его на один бросок дьявольских костей.

Проснувшись, он обнаружил, что его

одеяло аккуратно подоткнуто со всех сторон. Анджей догадался, чья это работа, но не подал виду. Марыся помалкивала, но смотрела на него посмелее, из её глаз исчезло прежнее отчаяние.

Поначалу Анджей думал отправить Яся домой. Но поразмыслив, решил оставить всё как есть. Не меняй ничего в чужом доме, размышлял он, особенно если это – дом людоеда. Лучше найди себе укромное место, чтобы спрятаться и иметь выгодную позицию, когда чудовище вернётся.

Поэтому он решил ничему не удивляться и принимать как должное все перемены дня. Будь то неуклюжая симпатия замарашки, таинственное исчезновение ведьмы или приступы странной сонливости, которые стали одолевать Пятраса с Арунасом после полудня. Видя, что помощники клюют носом, Анджей приказал им выспаться под охраной Яся. Сам же решил прогуляться.

– А можно с вами, пан начальник?

Обернувшись, Анджей увидел Марысю, уже одетую, в вытертой кроличьей шубейке, с тёплым платком на плечах и нещадно битой молью драной муфточкой.

– Я тут недалеко...

– И ничего, я в сторонке подожду, – бесхитростно сообщила девушка.

Вот коза приставучая, ни стыда ни совести, в сердцах подумал Анджей.

– Я вовсе не за тем в лес иду, – отрезал он. – Хочу диспозицию оглядеть.

– И я с вами – ...дефензицию... глядеть. Можно?

– Ладно, – махнул рукой дознаватель, – коли скучно, пошли. Заодно и окрестности покажешь.

Они вышли из часовни и поднялись на холм. Кругом вздымались могучие ели – статные, раскидистые, припорошенные снегом. Спустились в лощину, обошли овраг и очутились в редколесье. Тут было светлее, каждое дерево ревностно чтит свой круг земли, охраняя его корнями и раздвигая над ним небо могучей кроной. Казалось, лес отгородился от деревни охранной цепью

еловых стражей и жил за нею со спокойным достоинством.

– Откуда же оборотень к вам в деревню приходит? – сощурился Анджей от ослепительного блеска солнца на прогалине.

– Я думаю, что вовсе и не приходит, – разом посерьёзнев, промолвила Марыся. – Он же оборачивается... А живёт как человек. Ты можешь с ним поутру говорить, днём работать рука об руку, а вечером бимбер пить. Но так и не распознаешь, что с хитрым вервольфом кумишься.

– Что ж делать охотничкам? – шуточно спросил Анджей. – Как поганца распознать да осиновый кол ему замастрячить?

– Это только Беата знает, – грустно шмыгнула носом девушка и зябко запахла полы шубейки.

– Да я уже слышал, – кивнул Анджей.

Они обходили овраг, и дознавателю пришлось подать Марысе руку. Та оперлась с явным удовольствием, даже покраснелась. Анджей лишь усмехнулся.

– А причем же твои зубы? Девка ты справная, что ж было красу-то поганить?

«Справная девка» тут же кокетливо скосила глаз.

– А я и остальными укусить могу, пан начальник, так, что вовек не забудешь!

И весело засмеялась, даже всхлинула от удовольствия.

– Беата заговорит мои зубки на оборотня, и тот сразу свою силу потеряет, – пояснила девушка. – У него вся сила в клыках. Ими он и рвёт, и кусает кто понравится.

– Это как же?

– А не знаю, – равнодушно ответила Марыся. – Беата много странного говорила, только не запомнила я. Слова мудрёные, всё больше про кровь и любовь. Не поймёшь её. Я ей, между прочим, потому и поверила, что наемни волк монахов загрыз. Не укрыться от него нигде. Одна надежда – ведьма поможет. Иначе – пропадай моя молодая жизнь!

И она задорно подмигнула дознавателю. Тот только головой покачал.

Арунас ворвался в часовню, как шальной ветер-бурелом. Облизнул губы и отчеканил:

– Чёртова ведьма идёт сюда.

– Где? – спокойно спросил Анджей.

– Только что прошла околицу и сейчас чешет по деревне.

– Хорошо. Всем изготавиться и ждать. Девуцу – в угол, забросайте одеялами. И погасите все свечи. Будем ждать.

Через минуту часовня погрузилась во тьму. Пятрас встал за дверьми, Арунас устроил засаду в боковом простенке. Анджей остался сидеть посередине комнаты. Ясь с воинственным видом устроился подле Марыси, которая дрожала под кучей одеял и мешков. Ясь проделал ей в мешке отверстие для подсмотра, чтобы девушка могла разглядеть и признать проклятушего оборотня, кем бы он ни был.

В деревне ждал Браницкий с десятком мужиков. Оборотня решили заманить в часовню, чтоб открылся, а потом и порешить. Сигналом для пана Митяя был зажжённый факел на крыше. Ясь на чердаке с кресалом ждал приказа.

Ветер угас, так и не успев родиться, и кусты недвижно темнели вокруг часовни. У двери висел тусклый масляный фонарь. Заглянув в часовню, увидишь только темь, в то время как изнутри всякий силуэт на пороге казался чётким. Анджей не собирался пускать ведьму без предварительной проверки. И очень сомневался, что Беата эту проверку выдержит.

Беата шла по деревне. В окнах тут же гасили свет, и собаки начинали настороженно брехать. Они не любили Беату. Маленькая женщина с клюкой и котомкой за плечами таила опасность, и они рычали вслед её тени, которая выросла в сумерках и двигалась впереди ведьмы. Старушка не обращала внимания на возню за заборами и шла не таясь, потому что знала – её срок пришёл. Беате казалось, что звук её шагов

громко отдаётся от каждого забора, дерева, палисадника. Она знала, что такие иллюзии случаются в предновогодние ночи, и это был верный признак приближающихся безумий, охвативших округу семь лет назад. Беата крепче перехватила ляжки заплечного мешка.

Каменная часовня уже темнела впереди. Там её ждут во всеоружии. Но это уже ничего не меняет.

Беата постучала в дверь клюкой и шагнула назад. Она не любила излишне самоуверенных людей и глупцов, между которыми всегда ставила знак равенства.

Никто не ответил. Глупыши несчастные, подумала Беата. Они всерьёз думают, что им по силам изменить что-то? Это даже не смешно.

И она постучала вновь – сердито и требовательно.

– Кто там?

– Старая женщина, выжившая из ума.

– Что тебе нужно? – строго спросил из-за дверей Пятрас.

– Чтобы открыли дверь, – пожалала плечами старуха.

– Зачем?

– Сначала открой.

В этот миг на чердаке громко зашуршало, послышались возня, рыдание, а потом – отчаянный шёпот:

– Пан начальник, у меня ноги не слушаются! Совсем отня-ались! Ведьма проклятушая-а-а...

– Заткнись, Ясь, – шикнул Анджей. – В штаны наложил, защитничек?

И махнул Пятрасу: открывай, только не слишком. А ну, как позади ведьмы всё адское воинство стоит? Откроешь, а бесы – шашть!

Дверь отворилась ровно настолько, чтобы ведьма могла протиснуться. Она выругалась сквозь зубы и шагнула за каменный порог. Тут же на неё нацелились пистоль и тяжёлый самострел. Старуха подслеповато сощурилась.

– Лучше бы свету маленько...

Свечи нехотя загорелись. Беата оглядела дознавателей, задержав взгляд на груде одеял в углу.

– Девчонка там? – она указала пальцем.

– А если так? – спокойно ответил Анджей.

– Ты главный, верно? – равнодушно сказала ведьма.

– Мы – королевская служба.

– Вас здесь трое, – заметила Беата. – Слишком много. Вам нужно уйти. Так будет лучше всем.

Анджей нахмурился. Старуха была маленькая, сгорбленная, как нахохлившийся воробышек. Он не знал, какой силы должна быть пружина, способная заставить её опасно распрямиться.

– А как я узнаю, что ты – не чудовище? – в упор спросил он.

– Никак.

– Почему же ты хочешь, чтобы ушли мы? – удивился Анджей. – Может, лучше сначала вколотить тебе в сердце осиновый кол? Чтобы уж для полной уверенности?

– В эту ночь никому не стоит верить, – сухо молвила старуха и покачала головой. – Ты думаешь правильно, служивый человек. Но что мешает мне так же думать о тебе?

Анджей нахмурился, но промолчал. Ведьма была права.

– Ладно, коли хотите умереть – дело ваше. – Беата поджала губы. – Но скажи своему человеку, что прячется за стеной, чтобы дышал потише – не ровен час, оборотень в лесу под кустом услышит. И уж точно придёт проверить, кто ему спать мешает.

Арунас издал в своей нише сдавленный смешок. А старуха прошагала мимо Пятраса и тяжело опустилась на сундук. Она не сняла платка, но Анджей в полутьме отчётливо увидел выбившуюся жиденькую прядь. Может, оттого, что она была совсем белой?

– Ты ведьма? Разве не знаешь, что колдовство запрещено?

– Разве королевский закон защитил её от оборотня? – сурово молвила она. – Для Марыси я – одна надежда. На спасение души.

– А что об этом думает оборотень?

– ухмыльнулся Арунас, выходя из укрытия.

– Ишь ты... – она медленно обернулась. – Он пока ничего не думает. Сейчас у него на уме только кровь.

– Угу, – хмыкнул Арунас.

– Но очень скоро вспомнит и о любви, – вздохнула старуха.

– О чем? – опешил Арунас. – О какой любви ты талдычишь, ведьма?

– О той, что однажды заставит его вонзить зубы и в твою шею, мальчик, – указала на него пальцем Беата. Жест был столь уверен, что Арунас ненароком отшатнулся и размашисто перекрестился. – Поэтому хватит болтать. Пусть девчонка сядет подле меня. А вам всем лучше бы отойти.

Под грудой одеял отчаянно пискнули. Анджей предостерегающе поднял руку.

– Ладно. Пусть девчонка вылезет. Но останется позади меня. Тебе достаточно видеть её лицо?

Некоторое время старуха и дознаватель смотрели друг другу в глаза.

– Ладно. Этого хватит покуда, – вздохнула Беата. – И начнём, пожалуй.

Она сняла с плеч котомку. За спиной ведьмы стоял наготове Арунас и чуть поодаль, возле дверей – Пятрас. Напротив сидел Анджей, а за ним примостилась Марыся, зябко кутаясь в одеяло.

– Мёрзнешь? – сурово спросила ведьма. Та от неожиданности коротко икнула и закивала. – Это хорошо. Скоро полегчает.

И она вынула из мешка узелок обычной домоткани. В нём была горсть золы и пара угольков.

Глядя на приготовления старухи, каждый из троих думал о своём.

Арунас – как бы не прозевать, если ведьма вдруг вскочит и начнёт всех пощипывать когтями.

Анджей – о странных словах насчёт крови и любви. И как ведьма посмотрела в тот миг на него, точно знала о нём нечто, скрытое от всех.

Пятрас же думал о трёх тихих словах, что шепнула старуха, проходя

мимо него. Их не слышал никто, потому что адресованы они были только дознавателю Пятрасу Цвилинге. И о них стоило очень серьёзно подумать: «Никого не выпускай отсюда!»

Ведьма тем временем положила на ладонь угольки и пристально глянула на них. Зола вдруг зашевелилась и стала вращаться вокруг угольев всё быстрее. Анджей даже подался вперёд, забыв об осторожности. Повалил дым, и зола таяла, угольки же раскалились, точно их раздувал ветерок магии. Потом стали тёмно-багровыми и задышали, точно лежали не в старухиной руке, а на дне костра.

Беата вынула булавку и бесстрастно уколола палец. Обмакнув остриё в капельку крови, ведьма коснулась булавкой угольков. Те немедленно зашипели и стали стремительно белеть, словно очищаясь. Старуха пробурчала что-то, а затем быстро прижала к ним уколотый палец. Марыся даже вскрикнула, точно обожгла собственную руку.

Ведьма отняла руку, и все увидели на тряпице два белеющих кусочка кости. Анджей вздрогнул: перед ним лежали человеческие зубы.

– Так я и знала... – прошептала старуха.

Она принялась судорожно шарить в мешке, её руки дрожали. Дознаватели зашевелились, забеспокоились, не понимая что происходит. Лишь Пятрас шагнул назад и неслышно задвинул щеколду двери.

Анджей, словно очнувшись ото сна, схватился за рукоять пистоля. Арунас подался назад, прячась за выступом. В его руках покачивался тяжёлый самострел.

– Отойди! – выкрикнула старуха, и Анджей не сразу понял, что она кричит ему. Он вскинул пистоль, норовя поймать скрытый платком ведьмин лоб.

– Прочь! – взвизгнула Беата, резко потянувшись и неожиданно ударила старшего дознавателя скрюченными пальцами в лицо.

– Ведьма! – ахнул Анджей, еле

успев отшатнуться. В полумраке часовни пальцы старухи показались неестественно длинными, точно из них выросли...

– В сторону! – закричал Арунас, целясь самострелом. – Вот я её сейчас!

Что он собирался сделать, Анджей так и не узнал, потому что старуха с ужасающей быстротой взметнула другую руку.

За её спиной потрясённо выругался Пятрас. Вжавшись в двери, он медленно сползал вниз, в лужицу подтаявшего снега у порога часовни. Анджей ошеломлённо смотрел на странный предмет, что старуха сжимала в руке, точно защищаясь. Он увидел в нём... самого себя!

Это было двустороннее зеркало.

Дознаватели на миг застыли, в изумлении глядя на ведьмино стекло. Оно покачивалось в сухонькой руке Беаты, лицо же старухи превратилось в серую маску скорби, вырубленную в ночной полутьме. Свечи и фонарь разом вспыхнули и тут же угасли, тлея призрачным светом.

– Смотри, варк! – раздался под сводами часовни громовой старухин голос. Хотя Анджей бы поклялся, что Беата не разомкнула губ! И тут старший дознаватель увидел в зеркале чужие глаза. Они горели яростным красным огнём, глаза того, кто стоял у Анджея за спиной!

А потом над ним взметнулись загнутые и сверкающие даже в полутьме звериные когти.

– Пан начальник! – в страхе завопил Арунас и вдруг направил самострел прямо на Анджея.

Чумазая девчонка, кокетливая замухрышка Марыся нависала над Анджеем, в одночасье став выше. Она неуверенно улыбнулась, и от этой улыбки у дознавателей мороз пошёл по коже. Улыбка раздвинула её губы, и там, где прежде зияли дыры, обозначились острые клыки. Марыся сморщила нос, точно собака, собравшаяся чихнуть. Но из её губ вырвалось только низкое

сипенье, точно гнилой воздух из прорванных мехов. Анджей вздрогнул: он почувствовал запах того, что человек, единожды узнав, уже ни с чем не спутает. Горячее и смрадное дыхания зверя.

Оборотень опустил тяжёлые лапы ему на плечи, вдавив когти в овчину полушубка.

– Не шевелись! – крикнула Беата. – Замри, служивый, и будешь цел...

Дознавателю стало страшно: судя по взгляду ведьмы, Марыся за его спиной стала ещё выше.

Глаза старухи и Марыси были устремлены друг на друга. Чем-то они были удивительно схожи: то же ледяное спокойствие, те же насупленные брови, та же цепкость и осторожность во взоре. Только старые глаза были усталы, брови – не столь густы и точно выбелены морозом. Прошла минута, но она показалась Анджею бесконечной, как всякий ночной кошмар.

Наконец ведьма заговорила.

– Отпусти его, и я постараюсь тебе помочь.

Оборотень сузил зрачки и покачал огромной, теперь уже совсем лысой башкой.

Ведьма облизнула сухие губы.

– Ты узнала себя в зеркале, и оно не отринуло тебя. Для тебя ещё есть надежда.

На этот раз оборотень ответил. Голос был глух, точно слова с трудом давались звериной гортани.

– Ты всё равно не выпустишь меня, верно?

– Не выпущу, – кивнула старуха. – Но твоя душа будет спасена.

– А, может, лучше я убью всех и уйду сама?

– Можешь не успеть, – покачала головой старуха.

– Хочешь попробовать? – усмехнулся оборотень.

Он повернул голову и широко, с зываньем, зевнул. Тут же на лице Марыси проступила гусиная кожа. Бесчисленные пузырьки в мгновение ока набухли, затем лопнули, и полезла густая коричневая шерсть. Лицо девушки изло-

малось, вытянулось в длинную морду; брызнули во все стороны капли чего-то тёмного, а уши, покрытые рыжим подшёрстком, расширились и заострились. Оборотень снова вырос; его башка стала втрое крупнее человеческой головы. Когти же остались прежними, только еще крепче вцепились в плечи Анджея, и он стоял ни жив ни мёртв.

Теперь оборотень походил на помесь волка и медведя, статями – как последний, но с волчьей мордой. Он твёрдо стоял на задних ногах, покачивая странным, почти голым хвостом. Глаза зверя были устремлены на Беату. Он держал в когтях Анджея, и в этой хватке, как ни странно, было что-то бережное, точно зверь не хотел причинить человеку боли.

– Ты поняла сразу? – сощурился волк.

– Нет, – ответила старуха. – Покуда не задумалась о твоей муфточке.

– Ага, – проворчал оборотень. – Мне нужно было догадаться.

«И мне, дурьей башке! – в сердцах подумал Анджей, осторожно поводя плечами, прикидывая силу звериной хватки. – Она ж вся драная, точно когтями. Сколько раз себе твердил: начинай всегда с мелкого, а не лезь в облака!»

– Чем же тебе Ясь не угодил? – Старуха шагнула вперёд, не выпуская из рук зеркала. Оно защищает её от вервольфа, подумал Анджей.

– Ты хитрая, ведьма, – пробурчал оборотень, и на этот раз в его голосе прозвучала нотка уважения. – А тот – слишком слаб. Не мужчина – овца.

После этой убийственной характеристики на чердаке отчаянно вскрикнули. Потом ещё раз, и снова всё стихло.

– Даже если ты укусишь, он вряд ли примет твой дар, – ведьма кивнула на Анджея. И сделала ещё шаг.

– Ему не из чего выбирать, – огрызнулся оборотень. – Ваша жалкая жизнь – это существование насекомых.

«О чём это они спорят?» – тревожно думал Анджей, норовя вновь осторожно расправить плечи.

– Не трепыхайся, смертный, – рывкнул оборотень и сжал его так, что у Анджея хрустнули косточки. – Для нашего счастья ты мне нужен целым.

И хрипло хохотнул, обдав дознавателя новой волной смрада.

– Смотри не подавись, – с ненавистью прошептал Анджей и, с трудом извернувшись, изо всех сил лягнул волка, целя в живот или куда пониже. Но не учёл роста оборотня и с размаху угодил тому в колено. Зверь припал на ушибленную ногу, потянув за собой и человека. Анджей заорал во всё горло – ему показалось, что железные когти живьём сдирают с него кожу.

– Стой смирно! – в ярости зарычал волк.

«Пока не наступит полночь, он тебя не тронет», – невесть откуда возник и вполз в сознание Анджея тихий старушечий голос. Он вновь подивился этой женщине, жалея, что не может глянуть на часы. Нестерпимо горели плечи и набухала кровью сорочка.

– Тогда не хочешь ли заключить сделку? – молвила старуха. Она смотрела на тварь без страха, даже с какой-то жалостью.

– С тобою – вряд ли. Мне нужен этот, – плотоядно усмехнулся волк, снова обдав Анджея миазмами глотки.

Уж он-то точно будет знать, когда наступит полночь, с тоской подумал Анджей.

– А что скажешь насчёт ведьмы? – сощурилась старуха. – Варк и ведунья стоят друг друга.

– Только не теперь, – замотал косматой башкой зверь и ощерился. – Нынче – смена года, и мне на будущий год нужен достойный напарник. Поляны, залитые лунным светом, ночные тропы, зовущие вперёд, погоня и сладкий хруст косточек на зубах. Разве поймёт это простой человек?

– Человек – нет, – согласилась ведьма. – А разве ты далеко ушёл от людского племени?

– Протри глаза, – злобно рывкнул оборотень. – Ты меня ни с кем не путаешь, бабушка?

– Вовсе нет, – хладнокровно ответила ведьма, делая вид, что не замечает на оборотней стороне зеркала, как Арунас торопливо налаживает вторую стрелу на ложе. – За внешностью порой скрывается совсем иная сущность.

И она повернула зеркало. Так что волк, даже против желания, волея-неволей увидел собственное отражение. И отшатнулся.

С зеркального стекла на волка умоляюще смотрела... девушка! Со спутанными волосами, исцарапанным лицом и грязными дорожками слёз на щеках. Прежняя Марыся.

– Ну, как? – усмехнулась ведьма.

– Что это? – заревел волк, с ненавистью глядя на собственное отражение.

– Ты, – ответила Беата. – И подумай: разве не странно, что ты отражаешься?

– Это не я, – недоверчиво буркнул оборотень.

– Верно, – кивнула старуха. – Но и это, – она указала на его мохнатую обрзину, – ещё не ты. Ты заблудилась, Марыся. Но ещё можешь сделать правильный выбор.

– Я свой выбор уже сделал, – прорычал оборотень. – И выбрал любовь. А не смерть, что предлагаешь ты, ведунья!

И он сверкнул красными глазами.

– Это любовь? – Старуха прикрыла глаза, точно вспоминая что-то. – Укусив человека, не сделаешь его другом. Лишь верным слугой, и то покуда силы его тела не иссякнут. А ты даже не заметишь его смерти, покуда тебе не напомнят голод или похоть.

Старуха скорбно покачала головой:

– И тогда ты наметишь себе другого. И так же придёшь за ним под Новый год, устроив очередную ловушку людской жалости. Ведь этой ночью ты бросаешь того, кто служил тебе целый год!

– Я вижу, ты знаешь своё ремесло, – зло бросил оборотень. – Но и мне кое-что известно.

Он хищно усмехнулся, для верности встряхнув свою жертву. Анджей стиснул зубы, потому что под волчьими когтями

на плечах уже проступали тёмные пятна.

– Раз в году, в канун Поворота, зеркала отражают всё, что им недоступно в обычные дни. Для этого надо наложить на стекло заклятье и зажечь хотя бы одну свечу. И зеркало покажет, что желает его хозяин.

– Это так, – согласилась Беата. – Но тебе неведомо ещё одно свойство зеркал на исходе года.

– Что ещё за свойство? – недоверчиво рявкнул волк.

– Коли заглянуть в зеркало достаточно глубоко, увидишь свою истинную сущность. И тогда можешь на время онеметь, – усмехнулась старуха. – Голосом, либо – членами.

И она поймала взгляд Анджея и глазами решительно указала ему:

– Вниз!!!

Анджей с замиранием сердца до считал до трёх счастливых раз и нырнул вниз, точно ухнул в прорубь. Когти рванули его плечи, раздался треск, и перепуганному дознавателю показалось, что это трещат его кости. Упав на каменный пол, он тут же пополз во тьму, ломая ногти, ещё не веря, что вырвался из когтей твари.

– Ты, шелудивый пёс! – с ненавистью процедил сквозь зубы Арунас, выходя из-за спины Беаты. – Взгляни-ка сюда!

Чудовище с яростным рёвом тяжело подняло голову. Оно было ещё сковано вязкой зеркальной магией и двигалось как в полусне.

Дознаватель хладнокровно выстрелил из обоих луков. Две осиновых стрелки с посеребренными наконечниками – дань особого уважения Арунаса к народным поверьям – вонзились в грудь зверя по самое оперение, почти утонув в густой шерсти. Оборотень взревел, яростно заскрёб лапами, норовя выдернуть их из тела. Потом зашатался и грянулся оземь, так что под ногами дрогнул пол.

Пятрас тут же подскочил и с размаха вонзил зверю в грудь обломок доски. Раздался булькающий звук, точно

в бочку со стынущей смолой обрушился валун. А потом Анджей, пошатываясь, разрядил в поверженного гиганта пистоль. Хотя пули в нём были самые обыкновенные.

Тут же сверху раздался тоскливый вой. Они переглянулись и разом бросились на чердак. Арунас и Пятрас – впереди, Анджей – следом, сильно шатаясь. Плечи заливала кровь, поэтому, когда он забрался наверх, всё было кончено.

В глубине чердака, у стопы досок валялся труп молодого волка – Арунас бил без промаха. Очевидно, волк внезапно выскочил на людей из укрытия, и сразу попал под самострел.

Анджей в замешательстве обернулся. Внизу, у лестницы, скрестив руки, стояла Беата. Их взгляды встретились.

– Ясь? – тихо спросила старуха.

Дознаватель ошеломлённо кивнул. И вдруг почувствовал, как земля уходит из-под ног. Он раскинул руки, чтобы удержаться, но вместо этого ещё глубже провалился во тьму.

Море лежало перед ним. И странное же оно было!

Там встречались, сплетались и боролись цветные волны – красные, чёрные, синие. И он сам стоял на берегу, чувствуя притягательное, зовущее тепло воды. Она и сама казалась живой, волнующей тайной, дышала обещанием. Море звало Анджея игрою волн, войти в них и плыть, рассекая разноцветные круги и порождая новые, ещё более удивительные.

Он почувствовал влагу – разноцветные капли на ладонях. Словно море уже пришло к нему само, не ожидая решения. Он потрянул руками, и с пальцев сорвались брызги – холодные, фосфоресцирующие. А на пальцах остались пятна – красные, липкие и горячие. Анджей смотрел на них, и тело было бесчувственным и лёгким. Точно душа ушла из него и познала свою лёгкость, прозрачность и чистоту.

Анджей неуверенно шагнул к воде.

– Я бы на твоём месте оставалась на берегу.

Ведьма смотрела вдаль, ноги её утопали в песке, но волны огибали старуху. Точно опасались Беаты и не желали иметь с ней ничего общего.

– Где мы? – спросил Анджей, всматриваясь в морскую даль.

– В общем, там же, где и были, – ответила Беата. – Просто немного другой взгляд на привычные вещи.

– А почему я чувствую себя так... странно? И где остальные?

– Собственно, здесь должен быть только ты. А я здесь потому, что я так хочу.

– Что со мной? – нахмурился Анджей.

– Тебя оцарапал оборотень, – сухо молвила старуха. И тут же остановила его испуганный вскрик. – Не бойся. Во-первых, не укусил, а лишь оцарапал. Плечи – это, знаешь ли, ещё далеко не крылья.

– А во-вторых?

– То, что ты всё-таки здесь, а не там.

– А что – там?

Он не мог оторвать глаз от моря.

– Другая жизнь, – пожала плечами старуха. – Всё по-другому.

– Почему мы не идём туда? – наивно спросил дознаватель.

– Там ночь. И луна, – пояснила Беата. – А человек создан всё-таки большей частью для солнечного света.

– Меня ранил оборотень, – возразил Анджей. – Наверное, я должен идти за ним.

Он говорил о себе как о чужом человеке!

– Люди тоже частенько причиняют боль своим близким.

– Беата, – хрипло сказал Анджей. – Ты давеча говорила о любви...

Старуха лукаво глянула на него.

– А ты, небось, думал, что оборотень кусает лишь со зла? Да ещё такого знатного хлопца, как твоя милость?

И рассмеялась, точно рассыпала по лестнице речные камешки.

– А с чего же, Беата? – дознаватель тоже попытался улыбнуться, но вышло криво.

– Он кусает, когда хочет сделать таким же, как он, – ответила ведьма.

– Чтобы ты чувствовал, видел и делал так же. Он уводит тебя из твоего мира, это верно. Но ведь взамен предлагает свой! Мир оборотня. А это всё, что у него есть. И просит разделить его с ним. Ну-ка, скажи, не это ли называется любовью?

И, видя, что дознаватель молчит, прибавила:

– Другое дело что ты не ушёл в это море, а стоишь со мною на берегу. Знаешь, почему?

Анджей мрачно покачал головой.

– Потому что ты ещё не познал любви истинной. Тебе покуда нечем измерить то, от чего готов отказаться. У тебя нет ещё тех гирь, что подчас лежат на душе человека и в подлунном мире, и под солнцем.

– Ты говоришь так, словно укус оборотня – благо, – нахмурился Анджей. – А ты сама проходила через такое испытание? Таковую любовь?

Он спросил, потому что ему очень не понравились последние слова ведьмы.

Потому что ещё минуту назад часть его существа внимала словам Беаты с сочувствием. И это тревожило его.

– В каждом есть лунная половина. Однажды она вдруг освещает твою жизнь не менее ярко, чем солнце. И ты делаешь выбор: шагнуть в неведомое или остаться на берегу.

– Нет, Беата. Я плохо плаваю и всегда помню об этом.

– Слава богу, – кивнула ведьма. – Кто может знать, какие глубины скрывает тёмная вода. И лучше вовсе не задаваться целью их узнать. Даже если ты – хороший дознаватель.

Анджей смотрел на ладони. Прежние красные и липкие пятна побурели и выцвели. Даже кровь останавливается и умирает, когда ей больше некуда течь.

И потому всё ушло, и вернулась боль. Привычная и оттого – успокаивающая душу.

– Жив? – тревожно спросил испуган-

ный голос. – Чёртов оборотень, уж не заразил ли?

– Наверняка нет, – второй был хладнокровней. – Если ты богобоязненный человек, отринешь любое колдовство.

– Дурни... – молвил третий голос, суровый и скорбный. – Велика ли беда в колдовстве? Он отринул нечто большее – любовь.

– Что-о? – изумились двое.

– И рисковал при этом. Потому как отталкивать любовь – это и есть самое опасное дело. Уж коли перемешаны солнце с луною.

В эту минуту Анджей тоже захотел

сказать. Всем троим, сколь бы разными они ни были.

Что всё совсем не так.

Потому что к любви нельзя принудить.

Или получить её в подарок.

Ведь неожиданный подарок далеко не всегда желанен сердцу и созвучен душе.

Но открыть глаза, чтобы увидеть говоривших и поспорить с ними, у него уже не было сил. А над часовней тревожно кружили чайки и кричали, кричали...

